

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ*

ГЛАВА 1

“В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...”

Литература в России — это вторая религия. “Пушкин — наше всё”. Не Менделеев, не Циолковский, не Суворов, не Ленин, а именно Пушкин! Недаром в XVIII веке Ломоносов, Державин были почётными гостями при императорском дворе. Недаром Николай I беседовал с Пушкиным и называл его “умнейшим человеком в России”, недаром Есенина приглашали читать стихи царской семье, а Горький и Шолохов были постоянными собеседниками Сталина. Что бы ни писали, как бы ни спорили наши историки об истории России, русский читатель всегда будет судить о доправославной жизни русских племён по былинам, о княжеских междоусобицах — по “Слову о полку Игореве...”, о борьбе с татаро-монгольским игом — по песням и пословицам начала XVII века, о Смутном времени — по пушкинскому “Борису Годунову”, о петровской эпохе — по “Полтаве” и “Медному всаднику”, о пугачёвщине — по “Капитанской дочке”, об отношениях с Польшей — по “Тарасу Бульбе”, о войне 1812 года — по “Войне и миру”, о революции 1917 года и гражданской войне — по “Тихому Дону”, об Отечественной войне — по “Василию Тёркину”, по песням на слова Исаковского, по повестям Астафьева и Бондарева.

Наверное, в единственной нашей стране города и посёлки носят имена писателей и поэтов (“Горький”, “Пушкино”, форт “Шевченко”, райцентр “Льва Толстого” и т. д.). У нас во многих городах есть улицы имени Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Есенина, Рубцова, Маяковского. Ясная Поляна, Михайловское, Болдино, Тарханы, Константиново, Вёшенская для нас — святые места. Повторяю, что литература для русских — это вторая религия. У нас немало Нобелевских лауреатов по физике, химии, медицине и т. д., но в народе они мало известны. В народе больше знают Нобелевских лауреатов по литературе: Бунина, Шолохова, Пастернака. Поэтому сокращение учебных часов на занятия литературой (она, а не математика с физикой формирует мировоззрение!), изгнание литературы из школы похоже на гонения на Церковь в начале 20-х годов. Невозможно себе представить, чтобы в Америке во время президентских выборов кто-либо из кандидатов, желая овладеть сердцами избирателей, стал читать стихи Уитмена или Аллена Гинзберга.

* “К предательству таинственная страсть, друзья мои, туманит ваши очи” (Б. Ахмадулина)

А у нас Владимир Путин во время выборов на второй президентский срок, выступая в Лужниках, взлетел своей упругой спортивной походкой на трибуну и прочитал Сергея Есенина: **“Если крикнет рать святая: // “Кинь ты Русь, живи в раю!” // Я скажу: “Не надо рая, // Дайте родину мою!”** И я уверен, что эти четыре строчки русского гения добавили Путину многие тысячи голосов, поданных за него.

В русской культурной традиции XIX века писатель, создающий “образы” своих героев, глядя на которых реальные люди-читатели выстраивали свои собственные судьбы, являлся, в сущности, родоначальником целого родословного дерева онегиных, печориных, чичиковых, обломовых, базаровых, рахметовых... А сколько создали русские писатели женских образов, глядя на которые реальные женщины XIX столетия старались быть похожими на Татьяну Ларину, на Катерину из “Грозы”, на Анну Каренину, на Веру Павловну с её снами, на трёх сестёр... Да и в советское время образы Григория Мелехова, Павла Корчагина, гайдаровского Тимура и даже Остапа Бендера властно влияли на создание подобных характеров в реальной жизни.

Именно поэтому вклад известных писателей-шестидесятников в разрушение советского общества и государства был куда более значителен, нежели вклад научных работников, технарей, интеллектуалов, актёров, военных людей, спортсменов, партийных функционеров и прочих персонажей культурной жизни. Лужники, зал Чайковского, Политехнический были переполнены, когда там выступали Евтушенко, Окуджава, Рождественский, чему я, тоже не раз выступавший вместе с ними, должен быть честным свидетелем. Именно благодаря культуре литературы, сложившемуся в XIX веке и продолженному в XX Блоком, Ахматовой, Есениным, Маяковским... Именно поэтому пускай кратковременное, но чрезвычайно сильное действие на читательские массы производили романы и повести Астафьева и Шукшина, Айтматова и Распутина, и даже Пикюля с Юрием Трифоновым, Василем Быковым и Анатолием Рыбаковым... Их “образное” влияние на общество было не менее сильным (а может быть, и более), нежели постановки театра на Таганке или даже скандальные, а во многом искажающие реальную историю фильмы вроде “Покаяния”. Что ни говори, а мы, может быть, на горе себе были действительно “самым читающим народом в мире”, верящим, что “в начале было слово...” И шестидесятники умело и цинично использовали эту благородную и наивную особенность нашего народа. Я говорю “цинично использовали”, потому что помню стихотворное хвастовство Евтушенко:

*Мы лицедеи, богомазы,
дурили головы господ.
Мы ухитрялись брать заказы,
а делать всё наоборот...*

Нашёл, чем гордиться, — своей органической способностью к лицемерию...

* * *

60 с лишним лет тому назад в феврале 1956 года состоялся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, на котором партийный авантюрист Никита Сергеевич Хрущёв ради захвата высшей власти в стране выступил с печально знаменитым докладом, оклеветавшим трагическую и героическую сталинскую эпоху.

Племя литературных приспособленцев, для которых этот доклад стал “учебником жизни” и “руководством к действию”, назвало самих себя “шестидесятниками”, если говорить точнее — “детьми XX съезда”, а эпоху, которая наступила после съезда, — “оттепелью”. Судьба этих “детишек” сложилась в основном удачно. Они стали любимцами партийной элиты, отрекшейся от сталинской эпохи, и все, как один, присягнули “ленинскому” времени в стихах и поэмах: “Казанский университет” и “Братская ГЭС” (Е. Евтушенко), “Лонжюмо” и “Секвойя Ленина” (А. Вознесенский), “Двести десять шагов” (Р. Рождественский), “Ленин, том 54” (В. Коротич), “От января до апреля” (О. Сулейменов), “Ленин в Шушенском” (Р. Бородулин) и т. д. Словом, “дурили головы господ” — хрущёвых, брежневых, суловых... Всех поэтов-шестидесятников,

воспитанников “партийного детсада”, вложивших свой вклад в повторную “ленинизацию” нашей жизни, перечислить трудно, да и незачем. Достаточно вспомнить лишь самых “хрестоматийных”. Кстати, трогательнейший цикл стихотворений, посвящённых Ленину, был опубликован и одним из самых знаменитых шестидесятников – Булатом Окуджавой – в книге “Лирика”, изданной в Калуге в 1956 году аккурат к XX съезду партии. В следующих книгах поэт уже не перепечатывал эти стихи, но, как говорится, “что написано пером – не вырубишь топором”.

У русских поэтов не “партийной”, но “национальной, простонародной ориентации” – Н. Рубцова, А. Бородина, В. Сорокина, Ю. Кузнецова, А. Передреева, В. Соколова, Ст. Куняева, В. Казанцева, В. Лапшина и многих других, в основном, вышедших из рабоче-крестьянского сословия, – таких “охранных грамот” не было, да и быть не могло, поскольку никто из них не был способен заявить, подобно Р. Рождественскому, “по национальности я – советский”. Они жили в советской эпохе, но ощущали и осознавали себя людьми с русской душой и с русской судьбой.

Семена того, что Хрущёв лукаво именовал “ленинизмом”, были посеяны в души творцов новой “ленинианы” в 1956 году. Но узнать сущность этого посева по плодам общества пришлось почти через 40 лет, в 1993-м...

Один из самых шустрых “детей XX съезда” летом 1993 года написал стихотворение, посвящённое Р. Рождественскому, объясняющее их общую судьбу: “Кто были мы, шестидесятники? // На гребне вала пенного // в двадцатом веке, как десантники // из двадцать первого. <...> Давая звонкие пощёчины, // чтобы не дрыхнул, современнику, // мы прорубили зарешёченное // окно в Европу и в Америку. // Мы для кого-то были “модными”, // кого-то славой мы обидели, // но вас мы сделали свободными, // сегодняшние оскорбители. <...> Пускай шипят, что мы бездарные, // продажные и лицемерные, // но всё равно мы – легендарные, // оплёванные, но бессмертные!”

“Окно в Америку” прорубили и первыми нырнули в него Евтушенко с сыном Хрущёва Сергеем, предатель из КГБ генерал Калугин вместе с министром иностранных дел Козыревым, главный редактор “перестроечного” “Огонька” Коротич, какой-то из засекреченных учёных Роальд Сагдеев и многие другие, о которых один поэт из русского простонародья написал:

*Через Атлантику опять
Летят за долларовой фигой
Демократическая блядь
С коммунистическим расстригою.*

Зажав одной рукой дипломатический паспорт, выданный ему Козыревым, Евтушенко другой спешно дописывал для умирающей советской прессы своё последнее политическое завещание о необходимости реабилитации невинно расстрелянных Бухарина, Якира, Блюхера, Гамарника:

“Я счастлив тем, что являюсь одним из свидетелей и участников Великой Реабилитации: реабилитации революционных идеалов, ленинской демократии, социалистической гласности.

Начало этой Великой Реабилитации положил XX съезд партии. Затем в стрелку на часах истории вцепились руки тех, кто боялся правды. Но стрелку удалось только замедлить, а не сломать. Сама История голосом апрельского Пленума нашей партии объявила продолжение Великой Реабилитации.

На стороне перестройки – все лучшие силы нашего общества, ибо только перестройка есть гарант развития духовного и материального, и всё прогрессивное человечество, ибо только перестройка есть гарант безопасности всех народов”.

Где и в чьей памяти остался этот “исторический” “апрельский пленум”? Куда подевалось “прогрессивное человечество”? Обо всём этом и о том, в каких оборотней выродились “верные ленинцы” после 4 октября 1993 года, высказалась Валерия Новодворская в статье, названной строчкой из стихов Булата Окуджавы “На той единственной гражданской” (“Огонёк”, № 2–3, 1994).

“Я желала тем, кто собрался в Белом доме, одного – смерти. <...> Они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов <...> не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполняли приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами...”

Статья была написана от имени всех 42-х подписантов позорного известинского письма (5.10.1993), подписанного “шестидесятниками” А. Адамовичем, Б. Ахмадулиной, Г. Баклановым, А. Борщаговским, А. Гельманом, А. Дементьевым, Р. Казаковой, А. Ивановым, Ю. Карякиным, Ю. Левитанским, Б. Окуджавой, Р. Рождественским, Ю. Черниченко и другими “детьми XX съезда КПСС”. В этом письме защитники Дома Советов, убитые в те дни, были названы “красно-коричневыми оборотнями”, “убийцами” и “хладнокровными палачами”, как будто не их тела октябрьской ночью были погружены на баржи и увезены в неизвестном направлении, а трупы Ельцина, Лужкова, Гайдара и прочих “гуманистов” и “реформаторов”. Так что кровь 1993 года – на ваших руках, “бессмертные и легендарные”. Не отмоешь.

Даже умеренный либерал Лев Иванов-Аннинский, сын репрессированного отца (донского казака) и репрессированной матери (еврейки), не выдержал пошлой и невежественной евтушенковской болтовни и заявил, как честный историк, в письме в журнал “Огонёк” (№ 36, 1987): “Евгений Евтушенко в стихотворении о памятниках, которые надо поставить жертвам необоснованных репрессий, пишет: “кровавые слёзы Блюхера // в металле ещё отольются, Якир с пьедестала протянет // гранитную руку стране”. Хотелось бы знать, как Евгений Евтушенко относится к тому факту, что подписал Блюхера в 1937-м году стояла под обвинительным приговором Якиру?” А писатель Олег Васильевич Волков, сын известного депутата дореволюционной Государственной Думы, прошедший четверть века в тюрьмах, лагерях и ссылках, прочитав евтушенковскую болтовню о “ленинских нормах”, сказал мне с негодованием: “Да, при Сталине таких, как я, преследовали и часто судили несправедливым судом. Но те, кто требует восстановления “ленинских норм”, забывают, что при этих нормах ставили к стенке безо всяких “троек” и безо всяких судебных разбирательств”. Несомненно, что, говоря это, Олег Васильевич имел в виду “декрет о борьбе с антисемитизмом”, составленный рукой Якова Свердлова, подписанный Лениным 30 августа 1918 года и гласящий, что за антисемитизм, выраженный в любой форме, виновных надо ставить к стенке “без суда и следствия”. Но самая крупная свинья фанатикам и дельцам перестройки была подложена не Евтушенко или кем-то из “42-х” подписантов, а той же Валерией Новодворской, которая выболтала о кровопролитии 4 октября то, о чём все другие молчали: “Я благодарна Ельцину... пойдём против народа. Мы ему ничем не обязаны. Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле и очень важно научиться стрелять первыми, убивать <...>

Такие, как я, вынудили президента на это решиться и сказали, как народ иудейский Пилату: “Кровь Его на нас и на детях наших”. Один парламент под названием Синедрион уже когда-то вынес вердикт, что лучше одному человеку погибнуть, чем погибнет весь народ”.

Так вот почему российский Парламент и его защитники были расстреляны с такой ветхозаветной жестокостью...

С той поры много воды утекло, и в 2016 году “шестидесятники” начали праздновать полувековую юбилейную годовщину их антисталинского XX съезда, и вот уже три года прошло, а шабаш не затихает, а, наоборот, разгорается с новой силой.

Столетний юбилей Солженицына провели так, будто он ещё едет, как в 1994-м, из Владивостока в Москву. Памятники ему, как грибы, выросли по всей стране, от Тихого океана до Белгорода. В Москве сам президент вместе с вдовой один из памятников открывал. В школьную программу его “Архипелаг”, за исключением наиболее лживых и позорных страниц, втиснули. Улицу Коммунистическую его именем назвали. Стену скорби на проспекте Сахарова соорудили. Вокруг Соловецкого камня на Лубянке “шестидесятники” вместе со своими потомками собираются чуть ли не ежемесячно.

Телевизионные юбилеи Рождественского, Вознесенского, Высоцкого прошли блистательно с привлечением всех шоу-звёзд, всех жён, всех любовниц. Войновича похоронили, как одного из величайших классиков литературы XX века. Центр культуры имени Вознесенского вдова открыла и несколько вечеров подряд вещала с телеэкрана о всех подробностях их общественной и личной жизни.

Телевизионный сериал “Таинственная страсть”, показанный в лучшее время, приковал к себе внимание миллионов соотечественников, пытавшихся разгадать, кто из великих скрывается под кино-псевдонимами сериала.

Ну то, что музеи, носящие их имена, существуют в Переделкино, в Архангельском селе, в Москве, на станции Зима, в сибирском селе Косиха, в Нижнем Тагиле, в Санкт-Петербурге, что изваяния этих “легендарных” и “бессмертных” стоят во дворе Санкт-Петербургского университета, в тихой Тарусе, на Бульварном московском кольце – это само собой разумеется. Я уж не говорю о том, что много раз за истекшие три года на самых популярных каналах ТВ повторялась демонстрация культовых фильмов, созданных “шестидесятниками” Георгием Данелия и Марленом Хуциевым.

Подытоживая эту историческую эпоху, “шестидесятники” из журнала “Знамя” издали в августе 2018 года специальный номер, посвящённый с первой до последней страницы и XX съезду КПСС, и “утопленному в крови” венгерскому восстанию 1956 года, и появлению в Праге 21 августа 1968 года советских танков. На обложке номера прямо под словом “Знамя” я прочитал: “Тема номера – памяти “оттепели”, то есть некролог”, – а перевернув обложку, чуть не прослезился над душераздирающей эпитафией, как будто выгравированной на кладбищенской плите, под которой покоятся все мечты и надежды нашей пятой колонны:

“Этот номер посвящён “оттепели” – короткому, но яркому периоду, когда наше общество и культура, выбираясь из-под глыб тоталитаризма, открывали для себя ценности свободы, равенства и братства (лозунг кровавой Французской революции 1793 года!).

“Оттепель” – это время творческого расцвета Анны Ахматовой и Бориса Пастернака, Дмитрия Шостаковича и Георгия Товстоногова, Варлама Шаламова и Александра Солженицына. Это непотускневшие страницы “Нового мира” Александра Твардовского и “Юности” Валентина Катаева. Это начало творческого пути Иосифа Бродского и Андрея Тарковского, это звёздный час “Современника” и Таганки, всего того поколения молодых бунтарей, которых назовут “шестидесятниками”.

“Оттепель”, как стало теперь ясно, вошла в историю как время жестоких разочарований. Но и как время ослепительных надежд.

Этим надеждам, вспыхнувшем в марте 1953 года, суждено было оборваться 21 августа 1968-го, когда советские танки вошли в Прагу, а у нас начались очередные “заморозки”.

С той поры отшумело 50 лет, и мы уверены, что вернуться к урокам “ОТТЕПЕЛИ” особенно важно именно сейчас”.

Ошеломляющим выглядит список авторов этого номера – инвалидов и ветеранов “оттепели”, доживающих свой век кто на вождённом Западе, кто в земле обетованной, кто в холодной и “немой” России. А кто-то – уже на безмолвных берегах Стикса...

Леонид Зорин, Евгений Рейн, Александр Кушнер, Валерий Хаит, Яков Гордин, Ефим Гофман, Анатолий Найман, Борис Заборов, Ольга Розенблюм, Александр Даниэль, Людмила Штерн, Юрий Ряшенцев, Елена Шварц, Ирина Зорина, Ирина Булкина... Ирина Роднянская, Вениамин Смехов, Леонид Бахнов, Вячеслав Бахмин, Денис Драгунский, Мариетта Чудакова, Нина Бялосинская, Борис Слуцкий...

В этой толпе дочерей и сыновей избранного народа, оплакивающих “оттепель”, рыдающих, подобно своим предкам на реках вавилонских, случайно мелькнули три русские фамилии – “Сидоров”, “Чупринин”, “Егоров”, – видимо, ради соблюдения процентной нормы для коренного государствообразующего народа. А ведь когда я работал в 60-х годах в журнале “Знамя” при главном редакторе Вадиме Михайловиче Кожевникове и его заместителе Борисе Леонтьевиче Сучкове, русских авторов в каждом номере “Знамени” было не меньше половины, да и разделение на “патриотов” и “либералов” в те времена не было столь демонстративно катастрофическим. Однако вернёмся к юбилейному “оттепельному” номеру “Знамени”. Из воспоминаний Ирины Зориной, бывшей сотрудницы журнала “Проблемы мира и социализма”, издававшегося в 1960-е годы в Праге:

“От “оттепели” не осталось лужицы. Подморозили всё. Пришлось, конечно, кого-то выслать на Восток, в лагеря, кого-то упрятать в психушки, кого-то отправить на Запад. И пошла Россия привычно по своему историческому кругу.

Боюсь только, нашему поколению уж не придётся дожить до новой “оттепели” и тем более до настоящей весны. Великий век тех “шестидесятников”

скончался. Не сразу. На это ушли два трудных, вязких десятилетия. Его добивали грубо, варварски, и всё же добились”.

Подумать только, с такими мыслями и чувствами Зорина обучалась и работала в журнале, изучавшем “проблемы социализма”...

Из воспоминаний Людмилы Сергеевой, вдовы поэта Андрея Сергеева: “Среди арестованных “врагов народа” – выдающихся врачей нашей страны – были два доктора с распространённой еврейской фамилией Коган. <...> Моя мама тоже носила фамилию Коган. И хотя эти знаменитые доктора не приходились нам роднёй, при жизни Сталина у меня всё равно не было никаких шансов поступить в МГУ и учиться на филологическом факультете, о чём я так мечтала с отрочества. <...> Для меня “оттепель” началась со смерти Сталина”.

Ну, как я могу верить бедной Людмиле Сергеевой, если сам поступал именно на тот же филологический факультет того же МГУ при жизни Сталина в июле 1952 года! Нас было принято на первый курс филфака, находившегося на Моховой, около двухсот юношей и девушек. Я до сих пор помню почти все фамилии студентов и студенток, моих однокашников и однокурсников. Человек двадцать из них носили фамилии Кацев, Блаунштейн, Орёл, Подольский, Шталь, Шипелевич, Коварская, Комиссарова, Ситель и т. д.

Так что не надо Людмиле Сергеевой выдумывать, что не было у неё “никаких шансов” с её материнской фамилией Коган для поступления на фил-фак МГУ.

Незнакомая мне литераторша Инна Булкина, вспоминая стихи Олега Чухонцева о Курбском и Давида Самойлова об Иване Грозном (1968), пишет в “оттепельном” номере “Знамени”:

“За более чем год до появления стихов о Курбском и Грозном, за которыми, – повторю, – вдумчивые читатели (в том числе из ЦК КПСС) узнали Сталина и Власова, были написаны культовые в известных кругах стихи Ст. Куняева “Карл XII” (“А всё-таки нация чтит короля...”). Риторически эффектная баллада, лишённая какой бы то ни было исторической связи с персонажем, при этом откровенно просталинская: автор не скрывал, что стихи написаны к 10-летию постановления “О преодолении культа личности и его последствий”. И нет ничего странного, что читатели Куняева точно так же, как читатели Самойлова или Чухонцева, “вчитывали” эзоповы коннотации в стихи о шведском короле, о грозном царе и мятежном “беглеце”- эмигранте”.

Я помню, как Александр Чаковский уверял меня, что это моё стихотворение написано “о Сталине”, но я, в отличие от Булкиной и Чаковского, знал, что оно написано после того, как, будучи в Стокгольме, я увидел, как ранним утром пожилой швед кладёт цветы к памятнику Карлу XII. И я подумал, что тоска по доблести и былому величию отчизны привела его, жителя мирной, благополучной, антивоенной Швеции, к подножию памятника короля и полководца и что подобное чувство свойственно людям всех времён и всех значительных или великих держав... Ни о каком Сталине я тогда и не думал. Думал о человеческой жажде “крупнозернистой жизни”, говоря словами Мандельштама.

А что касается негодования Булкиной по поводу того, что в августе 1944 года “советские танки, стоявшие за Вислой”, “цинично ожидали, когда немцы расправятся с повстанцами варшавского гетто”, то негодует она впустую, потому что вся эта жуткая картина есть плод её большого воображения.

Восстание в варшавском гетто евреев, не пожелавших отправляться по приказу гитлеровцев в Освенцим, началось не в “августе 44-го”, а 19 апреля 1943 года. Через 2 месяца, к 20 мая 1943-го немцы беспощадно подавили его. Более пятидесяти тысяч восставших были убиты или сожжены живьём, остальные отправлены в Треблинский лагерь смерти. Никакие воинские части польской армии Крайовой, находившиеся в варшавском подполье, и пальцем не шевельнули, чтобы помочь несчастливым евреям.

А “советские танки” в это время, вопреки вашему, гражданка Булкина, лживому утверждению, стояли не на “берегах Вислы”, а на берегах Оки и Десны, в тяжелейших боях освобождая от оккупантов Калужскую и Брянскую области.

Не лезьте в историю, которой вы не знаете, как не знают её многие авторы “оттепельного” номера “Знамени”, с восторгом вспоминающие общий для российских и польских “шестидесятников” лозунг “За вашу и нашу свободу”, результатом действия которого стала свобода уничтожения надгробий над

воинами, освобождавшими Польшу. О том, как боролись поляки за “общую” для польских евреев и шляхтичей “свободу”, убедительно вспоминал Ержи Эйнарн, выдающийся шведский врач, освобождённый советскими солдатами из Ченстоховского гетто:

“За пределами гетто полно профессиональных доносчиков-поляков, специализирующихся на распознавании евреев... они бегут за одиночками евреями и кричат: “Jude! Jude!” – чтобы немцы поняли... Евреям было запрещено выходить из гетто, и за каждого обнаруженного вне гетто еврея польский доносчик получал 2 кг сахара”. Недаром израильский историк М. Даймонт, объясняя, почему немцы создали самые крупные концлагеря для уничтожения евреев не в Западной Европе, а именно в Польше, писал: “Иначе обстояло дело в Восточной Европе. Самым постыдным было поведение поляков. Они безропотно выдали немцам 2 млн 800 тыс.<яч> евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживающих в стране”.

Вот о какой “свободе” мечтали поляки – о “свободе” Польши от евреев.

А ещё, гражданка Булкина, вы напрасно восхищаетесь строчками Олега Чухонцева из стихотворения “Репетиция парада” о том, что “имперский позор” России “до сих пор” “у варшавских предместий смердит”... Неужели вы не помните, что ода “Клеветникам России” написана Пушкиным в ответ не полякам, а парижским “витиям”-парламентариям, которые после неудачного польского мятежа 1830 года открыто призывали Европу объединиться в очередную Антанту вроде наполеоновской и наказать непокорную Россию. Они, эти витии, забыли, что в составе наполеоновских “двунадесяти языков” было более ста тысяч польских жолнеров под командованием маршала Понятовского. Сто тысяч! Это чуть ли не четверть всей наполеоновской общеевропейской армады... Хорошо они погуляли в Москве, немало поубивали людей, немало награбили добра, вволю покощунствовали в православных храмах. Вы, Инна Булкина, не чувствуете, что великие русские стихи Пушкина (“Клеветникам России”), Лермонтова (“Бородино”), Тютчева (“Блажен, кто посетил сей мир // в его минуты роковые...”), которые Рассадин назвал “бездарными”, а вы осмелились повторить его хамскую глупость, написаны столь честно и вдохновенно и вплетены в ткань нашей истории настолько плотно, что они есть и будут её вечными крепостями, ракетами любой дальности, что они по прошествии веков до сих пор оберегают наше место под солнцем и в мировой истории.

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..*

Всем, кто сегодня глумится над чувствами людей Крыма (он же – Таврида!), кто трясётся от ненависти к русской “империи”, Александр Пушкин бросает в их перекошенные злобой лица:

*Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

И этими стихами Пушкин проголосовал два века назад вместе с народом Крыма (“Таврида”) и Абхазии (“Пламенная Колхида”) за то, чтобы оба этих

благословенных края, всегда бывшие российскими со времён Екатерины Великой, в очередной раз по высшей воле и воле народа снова срослись с Россией. Такова мистика истории, таково пророчество Пушкина, который “наше всё” — и наша демократия, и наша диктатура... Вы не согласны с Пушкиным, господа либералы из журнала “Знамя”? “Так высылайте к нам, витии, своих озлобленных сынов”...

* * *

Самым главным событием истории, сильно подействовавшим на нервную систему “шестидесятников”, было подавление нашими войсками Будапештского мятежа в ноябре 1956 года и вторжение танковых армий в Прагу в августе 1968-го...

Последнее событие считается у “шестидесятников” окончательной катастрофой “оттепели”. Но подавление венгерского мятежа авторы юбилейного номера “Знамени” считают особенно страшным преступлением советской системы.

Из воспоминаний питерского поэта Дм. Бобышева, ныне живущего в штате Иллинойс, США:

“Между тем, положение было тревожное, советская империя трещала по швам. Польша... Венгрия... В Венгрии тоже всё началось со студенческого кружка по изучению поэзии Шандора Петёфи, и вдруг они ощутили себя свободными и пошли освобождать страну. Такие же, как мы, в зелёных плащах и чёрных беретах... Но — с автоматами. Хрущёв бросил туда танки, полилась кровь.

Вечером я читал стихи “К Венгрии” в ЛИТО при Доме культуры Промкооперации (сокращённо “Промка”). Вот как вспоминает это выступление Давид Шраер-Петров:

“Внезапно поднялся Бобышев. Встав передо мной, готовый бросить перчатку. “Как ты можешь писать Бог знает о чём, когда пролилась кровь наших братьев — венгерских интеллигентов? Я прочту стихи, посвящённые памяти героев венгерского восстания”. Бобышев читал. Помню, там звучали... горячие слова, вырывающиеся и продолжающие вырываться из уст русских поэтов вот уже два века... Слезы и яростное проклятие душителям свободы”.

Из воспоминаний Л. Сергеевой, которая присоединяется к бобышевской оценке венгерского восстания:

*“Именно после венгерских событий рухнули все мои надежды на справедливость и гуманность советской власти. Я поняла, что **социализма с человеческим лицом** нам не суждено построить: СССР будет всегда силой подавлять всякое стремление к свободе, независимости, инакомыслию. Травля Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии, Берлинская стена, возведённая посреди города в 1961 году, Карибский кризис, буйство Хрущёва в Манеже против молодых художников, а потом и писателей, суд над “тунеядцем” Иосифом Бродским, арест Синявского и Даниэля за то, что опубликовали свои произведения на Западе, наконец, Прага 1968 года только подтверждали безнадёжный диагноз советской системы.*

Так, в 1956 году, вместе с кроваво подавленным венгерским восстанием, закончилась для меня короткая “оттепель” в нашей стране”.

Поскольку весь материал, касающийся “оттепели” в юбилейный августовский номер “Знамени” не уместился, то следующий, сентябрьский номер так же был “оттепельным” со стихами Игоря Волгина, жителя Нью-Йорка Бахыта Кенжеева, дневниками Раисы Орловой, похороненной в Кёльне, и романом Марии Рыбаковой “Если есть рай” (“училась в России, Германии и США”). О чём роман? Ну, конечно, о Венгрии. Об её незаконной оккупации советскими войсками в 1945 году и о кровавом 1956-м... Чтобы была понятна мировоззренческая сущность романа, процитирую несколько отрывков из него. Первый — о венгерском революционере Бела Куне, известном в нашей советской истории тем, что он вместе с “демоном революции” Розалией Землячкой-Залкинд и с красным комиссаром Ионом Якиром прибыли в 1920 году в Крым, где находилось около двадцати тысяч казаков — белых офицеров, не успевших эмигрировать в Турцию и добровольно сдавшихся в плен, поскольку они получили заверение от командующего красноармейскими частями

Фрунзе, что всем им будет сохранена жизнь. Однако тройка в составе Землячки-Залкинд, Ионы Якира и Бела Куна пренебрегла обещанием Фрунзе и, по согласованию с наркомвоенмором Троцким, жесточайшим образом приговорила к расстрелу и утопила в море всех этих врагов революции в течение нескольких дней.

О романе Марии Рыбаковой о жизни венгерского палача Бела Куна рассказывается в “Знамени” с благостным восхищением:

*“Я вспомнила о вожде Венгерской Советской Республики девятнадцатого года товарище Бела Куне. Бела Кун был сначала журналистом, потом служил в армии, стал военнопленным, в русском плену открыл для себя марксизм, пошёл в революцию. Как потом тайно перебрался обратно в Венгрию и агитировал рабочих за то, чтобы поднять восстание. Как его посадили в тюрьму и как он потом стал “виднейшим революционным деятелем” в течение тех четырёх месяцев, которые просуществовала Венгерская Советская Республика. После того, как Советскую Республику утопили в крови, товарищ Бела Кун вернулся в Советскую Россию и сражался с белогвардейцами. Победив белогвардейцев, товарищ Бела Кун отправился в Германию, чтобы бороться за дело мировой революции. Но это опять почему-то не получилось. Поэтому товарищ Бела Кун вернулся в Россию, чтобы отстаивать идеалы коммунизма в **одной, отдельно взятой стране**. За героическую борьбу Бела Кун был награждён орденом Красного Знамени в 1927 году. Умер в тридцать девять”.*

От себя добавим: есть версии, что этот якобы венгр погиб то ли на Лубянке, где его допрашивали соплеменники, подчинённые Генриха Ягоды, то ли его придушили уголовники в одном из бараков “Архипелага”.

Мария Рыбакова уверяет в своём романе читателей “Знамени”, что режим послевоенной Венгрии был навязан ей захватившими в 1945 году эту благостную страну “венгерских интеллигентов и студентов из кружка Шандора Петёфи” году “оккупантами”, то есть советскими войсками. А описание того, в каких условиях жили и погибали 500 тысяч венгерских военнопленных, находившихся в наших лагерях после войны, затмевает все ужасы Освенцима, Трешлинки и “Архипелага ГУЛаг”:

“Они годами работали на строительстве каналов и железных дорог, чтобы потом умереть от истощения. Или умирали сразу, от болезней или от пули надзирателя. Или оказывались в сумасшедшем доме, где все о них забывали, где их держали десятилетиями, потому что врачи забыли, кто они, эти бывшие военнопленные, и никто не понимал, на каком языке они говорят. Но вот только выйти никак нельзя было, ни из психушки, ни из лагеря, и надзиратель продолжал кричать, и пуля убивала.

А те, кто кричал и бил их, кричали на них по-русски, и по-русски же матерились, и по-русски же обсуждали друг с другом насущные проблемы лагерной жизни — каких заключённых на какие работы направить, кого лишить пайка, на кого натравить собак”.

Надо умудриться, чтобы так опозорить репутацию одного из старейших толстых журналов России...

На самом деле правду о характере венгров и об истории венгерского восстания 1956 года надо искать не в лживых сочинениях “шестидесятников”, а в свидетельствах очевидцев и участников трагедии 1956 года, которая началась в 1944 году, когда “в течение 42 дней, начиная с середины мая, более чем четырёхста тридцать семь тысяч венгерских евреев были отправлены в Освенцим — Биркенау... в конце 1944 ещё около тридцати тысяч евреев погибли во время так называемых “маршей смерти” к австрийской границе или от рук венгерских нацистов”... (“Передайте об этом детям вашим. История Холокоста в Европе 1933-1945. М., 2000).

Да, вклад Венгрии в “Холокост” был, пожалуй, самым впечатляющим из всех стран фашистской Европы — почти полмиллиона евреев!

Венгерское восстание 1956 года — самое тёмное пятно в советской историографии. Что случилось той осенью в Будапеште? Какие силы (помимо американо-советских) столкнулись в этой короткой, но отчаянной и кровопролитной схватке? Историки советской эпохи, как черти от ладана, отворачивались от этого выброса почти инфернальной ненависти.

А на деле в Венгрии произошла необыкновенно жестокая вспышка гражданской войны венгерских националистов с проеврейской коммунистической и чекистской властью.

Националистическая венгерская прослойка попыталась повторить то, что уже происходило в Венгрии в 1919 году, когда было потоплено в крови правительство Бела Куна — еврейский спецназ, представлявший элиту европейского и мирового интернационала, когда сам вождь вместе со своими соратниками-соплеменниками Матиасом Ракоши, Эдвардом Гёре, Тибором Самуэли были вышвырнуты озверевшим народом в центр мировой революции — в Москву, в советскую Россию.

Вот что сообщает американско-еврейская газета “Форум” (от 3 августа 2007 года) о режиме Бела Куна:

“Среди 48 народных комиссаров (министров) его правительства 30 были евреями, а среди 202 высших должностных лиц евреев было 161.

Может быть, именно потому венгерское восстание 1919 года против Бела Куна и его клики было столь яростным и кровопролитным.

В 1956 году произошло нечто похожее: для еврейской властной структуры, возглавляемой уже не Бела Куном, погибшим в 1939 году, а его постаревшим сподвижником Матиасом Ракоши и воцарившейся в послевоенной Венгрии с помощью наших танков и штыков еврейской партийно-чекистской бюрократии, наступил своеобразный 1937(или 1919?) год. Историк Г. Костырченко в книге “Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм” так характеризует венгерскую послевоенную высшую элиту:

“М. Ракоши, будучи сам евреем (как М. Фаркаш, Й. Реван, Э. Гере, Г. Петер и другие его ближайшие соратники)... ещё в мае 1945 года проинформировал Москву о массовом вступлении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьёзной угрозой для её будущего. Свои опасения Ракоши мотивировал пропагандой враждебных буржуазных сил, которые распространяли слухи о том, что венгерская компартия — это “еврейская фашистская партия” и что повторяется 1919 год, когда руководство состояло исключительно из евреев во главе с Б. Куном...”

После окончания войны прошло всего лишь одиннадцать лет. Прослойка бывших венгерских фашистов, в числе которых было почти полмиллиона возвратившихся из советского плена 35—40-летних крепких мужчин, обученных воевать, поддерживаемая националистической молодёжью — венгерским “гитлерюгендом”, — в течение нескольких дней смела венгеро-советскую власть. Восставшие понимали, что Америка во имя борьбы с СССР закроет глаза на вспышку венгерского антисемитизма — и это развязало им руки. Трупы сотен евреев из госбезопасности и ЦК венгерской компартии валялись на улицах и площадях Будапешта, висели вниз головами, подвешенные за ноги на венгерских липах...

Из воспоминаний генерал-лейтенанта А. Малашенко: “Особый корпус в огне Будапешта”:

“В толпе раздавались свист и выкрики: “Нам не нужны гимнастёрки”, “Долой Красную звезду!”, “Долой коммунистов!”, “Долой евреев!” (ВИЖ, № 10, 1993).

Из статьи венгерского историка Йожефа Форижа:

“Проявлением этого национализма был немедленно всплывший антисемитизм... старшего лейтенанта Яноша Бачи, попавшего в плен при осаде здания радио, повесили во дворе, потому что его посчитали евреем”.

Из книги В. А. Крючкова “Личное дело” (М., Эксмо. 2003. С. 45):

“Лозунги провозносились самые разные — от социалистических до откровенно фашистских <...> тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, “агентов Москвы”. “О контрреволюционном характере событий свидетельствуют идеи, провозглашённые участниками: антикоммунизм, национализм, антисоветизм, антисемитизм” (с. 51.)

Поэтому, видимо, весьма недвусмысленно и твёрдо прозвучали слова из приказа Главнокомандующего объединёнными вооружёнными силами Варшавского пакта маршала И. С. Конева, повелевающие раздавить венгерских мятежников:

“События показали, что активное участие в этой аванюре бывших хортистов ведёт к возрождению в Венгрии фашизма и создаёт прямую угрозу нашему Отечеству... нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией”.

В августе 2008 года я получил письмо из белорусской Орши от Сергея Лысковского, служившего в нашей армии осенью 1956 года в Венгрии и видевшего путч своими глазами. Вот несколько отрывков из его письма:

“С 26 по 30.Х в пригороде Дебрецена банды уничтожали семьи наших офицеров и тех, кто их приютил <...> Утром вижу у казармы – листовок полно! На фото – наши солдатики без голов, за ноги привязаны на вагонах-телятниках <...> на дорогах оставляли младенцев. Вылезет сердобольный наш танкист убрать с пути – и гибнет <...> Один танк, сбив перила моста, слетел в реку – и все погибли: не мог водитель задавить дитя”.

На такого рода садистскую жестокость едва ли были способны венгерские студенты – по официальной версии якобы главная сила венгерского путча. Это дела и опыт бывших оккупантов – солдат рейха. И ещё из письма Лысковского: *“ЕБН (Ельцин. – Ст. К.) покаялся перед хортистской Венгрией”.*

Вчерашние венгерские военнопленные подтвердили в те дни свою репутацию жесточайших карателей, которую они заработали на оккупированной советской земле... И у Москвы, конечно, независимо от решения “еврейского вопроса” в Венгрии, был единственный выход: раздавить эту попытку фашистского реванша танками и посадить во власть вместо ненавидимых венграми евреев коренных, но умеренных венгров, вроде Яноша Кадара.

Писатель Сергей Небольсин, жена которого была венгеркой и в доме которого постоянно гостили венгерские историки и филологи, недавно рассказал мне следующую историю:

– Приехал к нам профессор-литературовед Кроль, разговорились, и он поделился с нами воспоминаниями о 1956 годе.

“Мне было всего шесть лет. Однажды, в разгар восстания, я вышел на улицу и увидел, что на дверях нашего дома появилась надпись: “На этот раз мы не доведём вас до Освенцима”...”

Я вернулся в дом и спросил отца: что значит эта надпись?

Отец смутился, но потом, понизив голос, сказал мне:

– Сынок, тебе надо знать, что мы не венгры. Мы – евреи”.

Но одно меня озадачивает до сих пор: почему наши еврейские либералы всю последующую историю восхваляли венгерский 1956 год как восстание против советского тоталитаризма, как борьбу под лозунгом “За нашу и вашу свободу”? Или их ненависть к социализму и латентная русофобия настолько мутила разум, что они в упор не видели антисемитской закваски венгерского взрыва и, проклиная сталинский 1937 год, одновременно оплакивали поражение венгерского антисемитского бунта?

Полвека прошло с тех пор, и всё равно у нашей либеральной образованщины в душе ещё чадит это антисоветское пламя (с антисемитским отблеском!). Свидетельство тому – шабаш на радиостанции “Свобода”, где в ноябре 2006 года собравшиеся на этот кровавый юбилей восстания кадили ему славу и читали стихи своих кумиров, прославлявших в 1956 году антисоветский и антисемитский путч. Конечно, вспомнили стихи Манделя-Коржавина:

*Я живу от нужды без надежды,
Я лишён и судьбы, и души,
Я однажды восстал в Будапеште
Против фальши, насилья и лжи.*

(Цитирую, как запомнилось, со слов кого-то из выступавших, кажется, Натальи Ивановой из журнала “Знамя”.)

Своим хрипловатым тенорком делился воспоминаниями о пятьдесят шестом годе Юз Алешковский: *“Свет промелькнул! Мы ненавидели советский режим и с радостью сообщали друг другу, что Венгрия восстала”.* Хорошо бы спросить Юза Алешковского вместе с Наумом Коржавиным, а от кого, по-ихнему, бежало в ноябре 1956 года во Францию семейство Саркози – от советских танков или от венгерских антисемитов?

Как же надо было страстно и слепо ненавидеть свою родину, свой народ, свою трагическую историю, чтобы забыть о том, сколько горя принесли нам венгерские оккупанты во время войны, чтобы не понимать антисемитскую подкладку будапештского бунта, чтобы забыть, как чешские легионеры дважды прошли с огнём и мечом по нашим землям – в 1919 году в составе чехословацкого корпуса (о чём я слышал в тайшетских сёлах песню со словами:

“Отца убили злые чехи, // А мать живём в огне сожгли”), и в 1941–1945 в составе гитлеровского рейха.

А чтобы не быть голословным, приведу статистическую таблицу количества военнопленных в советских лагерях послевоенного времени из книги австрийского историка Стефана Карнера “Архипелаг ГУПВИ”, переведённую на русский язык и изданную в Москве в 2002 году. В советском плену после войны содержалось 2 млн 388 тысяч немецких военнопленных, 513 тысяч – венгерских, 187 тысяч – румынских, 156 тысяч – австрийских, 70 тысяч – чехословацких, 60 тысяч – польских, 48 тысяч – итальянских... Далее шли французы (23 136 человек), югославы (видимо, хорваты – 21 тысяча 830 человек), и совсем понемногу этот букет был разбавлен голландцами, финнами, бельгийцами, датчанами, испанцами и “разными прочими, – говоря словами Маяковского, – шведами”.

* * *

В сентябре 2008 года я участвовал в телевизионной передаче, посвящённой гибели “оттепели”. Наталья Иванова, ведущий критик нынешнего журнала “Знамя”, вспоминала стихи своего покойного мужа Александра Рыбакова. Я не запомнил их полностью, но строки: *“Ах, романтика, синий дым, в Будапеште советские танки”* – остались в памяти, тем более, что в конце с пафосом были причитания: *“Сколько крови в подвалах Лубянки”*... А сколько еврейской крови было на улицах Будапешта? Об этом, конечно, не желали думать ни Наталья Иванова, ни её муж, сын писателя Анатолия Рыбакова (Аронова), автора известных в своё время романов “Дети Арбата” и “Тяжёлый песок” – романов о еврейских судьбах.

* * *

Отрывки из дневников Раисы Орловой, жены Льва Копелева, под заголовком “Родину не выбирают” (“Знамя” № 9, 2018):

“Грубость и хамство наших в Румынии (в 1945 году). Провожая меня домой после публичной лекции “Облик советского человека”, румынский искусствовед Мирчи Надежды рассказывал, как он и его друзья ждали Красную армию, как надеялись, что придут русские, и ночь сменится днём.

– А ваши солдаты отняли у меня часы насильно. Оскорбило насилие. Я сам отдал бы им всё по первой просьбе.

Как он обрадовался моему французскому языку и “налёту” интеллигентности!”

Некрасиво, конечно, поступили русские солдаты, но надо было Раисе Либерзон-Орловой, происходящей из крупночиновничьего советского истеблишмента 1930-х годов, напомнить румынскому искусствоведу, которого советские солдаты освободили из фашистской “ночи”, что после войны в наших лагерях для военнопленных Вермахта сидели и работали более 146-ти тысяч румынских солдат, офицеров и генералов. И каждого из них можно было судить за военные преступления, совершённые на оккупированной территории Крыма, Краснодарского края, Одесской и Сталинградской области. Но она, умершая и похороненная в эмиграции (г. Кёльн), всю жизнь была обуреваемая жадной совсем другого трибунала:

“Я одержима идеей возмездия. Необходим был Нюрнбергский процесс (в эпоху “оттепели”. – Ст. К.) Теперь, конечно, время упущено. Если бы были тайные судилища, сама пошла бы и убивала бы тех, кто сейчас сажает розы и клубнику” (“Знамя” № 9, 2018).

Помню эту даму, добродушно улыбающуюся всем знакомым в ресторане Центрального дома литераторов...

Отец “шестидесятницы” Раисы Орловой-Либерзон был крупным советским чиновником. Ездил в 1920–1930 годы для переговоров с Горьким на Капри, работал в знаменитом ВОКСе (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Условия жизни семьи Орловой-Либерзон были исключительными. Они жили в одном из лучших домов Москвы (ул. Горького, д. 6), напротив Центрального телеграфа. Квартира была в сто квадратных метров,

в несколько комнат. В одной из них жила, естественно, русская домработница, как и в семьях других “шестидесятников” – Д. Самойлова, А. Межирова, Б. Слуцкого.

Из книги “Воспоминания о непрошедшем времени” Р. Орловой-Либерзон: **“Выпускники 1939, 1940, 1941 годов не искали работы – работа искала выпускников. Я заполнила анкеты в десяти учреждениях, среди них ЦК, Наркоминдел Совнарком. У меня, как и у большинства из нас, была возможность выбора”**. Кто это “большинство из нас”? “Ифлицы”, дети “пламенных революционеров”, будущие “шестидесятники”...

У отца Раисы Орловой, как вспоминает она, “был пистолет”, в “период хлебозаготовок, куда его посылали, он получил право на владение оружием”. Её последний муж также раскулачивал крестьянство. Никакого чувства вины перед своими братьями по перу из раскулаченных семей – Михаилом Алексеевым, Виктором Астафьевым, Александром Яшиным – ни “копелевы”, ни “либерзоны” никогда не испытывали ни до XX съезда партии, ни в “оттепель”, ни в перестройку...

Из её же воспоминаний:

“В город Маркс (Саратовской области) надо было поехать, надо было увидеть эти чудовищно грязные сортиры во дворе, колонки. Плохие дороги, быт, как в каменном веке ... пока Лёва (Копелев. – Ст. К.) читает лекцию, я хожу по городу. Дощечки с названиями улиц: Бебеля, Либкнехта, Сад Свободы, Маркса, Энгельса. Что было с этими великими теньями, когда их соотечественников за сутки выселили отсюда? Город тогда назывался Марксштадт”... (“Знамя”, 09.2018). Замечу вскользь, что в город Маркс рвались не кто-нибудь, а тоже “соотечественники” того же Маркса, но в форме солдат Вермахта.

А какая для Либерзон трагедия – сортиры на улице и колонки... Да я всё своё детство и юность – до 18 лет – прожил в военные и послевоенные годы в Калуге на скрещении улиц Циолковского и Пушкинской, и сортир, сколоченный из горбыля, у нас аж на целых три многосемейных дома был один во дворе, и на колонку за водой, которая была одна на целый квартал, я ежедневно ходил с двумя ведрами. И ничего, выжили, выучились, и школу с медалями окончили. Я – с золотой.

А что касается города Маркса, населённого до войны немцами Поволжья, то их действительно, когда немцы подходили к Волге, переселили на восточный берег реки из городов Энгельс и Карлмарксштадт в лагерь временного проживания. Среди интернированных переселенцев был будующий знаменитый в сфере космонавтики учёный Борис Раушенбах, который вспомнил в одном из интервью, что американцы, на землю которых не ступала ни одна нога иноземного захватчика, устроили на своей территории в годы Второй мировой концлагеря для исконно живших в США японцев, а на вопрос журналистки: “Почему вы были противником распада СССР, вы столько претерпели от советской системы?” – ответил не только журналистке, но и всем “шестидесятникам” вроде Орловой-Либерзон:

– Я никогда не чувствовал себя обиженным, считая, что посадили меня правильно. Это был не 37-й год. Шла война с Германией. Я был немцем. Потом в лагерях оказались крымские татары, чеченцы. Те же татары во время оккупации Крыма всё-таки работали на фашистов. Среди немцев если и были предатели, то полпроцента. Но попробуй их выявить во время войны... что говорить, было очень плохо, но в условиях войны власть приняла совершенно правильное решение”.

Вот мужественные слова вложившего все свои горести, всю свою судьбу в исполинский поток истории XX столетия настоящего большого человека и верного сына России, немца по происхождению, похороненного по заслугам рядом со сталинскими маршалами, писателями и учёными великой эпохи – на Новодевичьем. А злобная “шестидесятница” Орлова-Либерзон покоится в Кёльне, в немецкой земле, на родине “великих теней” и своих кумиров Бебеля, Либкнехта, Энгельса... И кто там будет приходить на её могилу? Кому она там нужна? Словом, всё происходит согласно песенке “шестидесятника” Окуджавы: “Всё по ровну, всё справедливо”...

Жёлчью, глупостью, злобой, глумлением переполнены воспоминания “знаменских” “шестидесятников” о загубленной советскими танками “оттепели”:

“сталинские репрессии, подавление Венгерского восстания 1956 года, разгром Пражской весны в 1968 году”... **“последнее событие мне особенно памятно, так как изменило мировоззрение, я стал другим человеком”**... Каким? Автор воспоминаний, Борис Егоров, доктор филологических наук из Санкт-Петербурга, впадая в социальную шизофрению, исповедуется:

“Дважды пытался распространять антисоветские листовки (особенно после войны потрясли высылки на Восток целых народов, якобы сотрудничавших с фашистами... редакция “Библиотеки поэта” помещалась на самом верхнем, седьмом этаже ленинградского Дома книги. Так что листовки логично было бросать из форточки прямо на Невский проспект. В период перестройки я в статье, опубликованной в Праге на русском языке, напомнил о кучке смельчаков на Красной площади, осуждавших вторжение наших войск в Чехословакию, о Сергее Юрском, бросившемся в чешский госпиталь сдать кровь, о Высоцком, Окуджаве, Евтушенко, тут же откликнувшихся своими стихами. ...На перестроечной волне 1990-х годов я вдруг встрепенулся. Написал утопическое послание к азербайджанской интеллигенции: проявите восточную мудрость и уговорите своё правительство, подарите Армении несчастный Карабах... Увы, азербайджанские коллеги ответили мне вежливыми объяснениями: какие армяне плохие люди, как они варварски завоевали Карабах...”

Казалось, что дальше некуда, но температура социальной шизофрении по мере того, как я перелистывал страницы “Знамени”, всё повышалась. Анатолий Найман с восхищением вспоминал о знакомстве в 1968 году с молодой семьёй чехов, рассказавших ему, как они жили в пражском общежитии:

“Он рассказывает, как, учась в университете и живя в студенческом общежитии, дожидаясь, чтобы вся комната заснула, зажигал настольную лампу, раскладывал на столе газету “Руде право”, прочитывал номер от начала до конца, раскрывал складной нож и, по возможности тихо, искалывал мелко-мелко, рубил, как капусту, газетный лист. Она говорит, что с приходом Дубчека пришло и сексуальное раскрепощение, и в подтверждение достаёт фотографию, где они с мужем сняты голые на фоне леса”.

Одним словом, оба они похожи на Либерзон-Орлову, которая, по собственному признанию, “если бы были тайные судилища”, “сама бы и убила бы” своих идейных врагов.

* * *

Но наши отечественные “шестидесятники” по накалу психопатических припадков и по соревнованию в глупости не уступали чешской паре. Владимир Радзишевский вспоминает о том, как Евтушенко отозвался на события августа 1968-го:

“Из Коктебеля Евтушенко отправляет телеграмму протеста на имя Брежнев и Косыгина. От отчаяния и беспомощности примеривается к самоубийству (! — Ст. К.). И стихи пишет, как предсмертную записку. Поэтому и заканчивает их эпитафией:

*Пусть надо мной — без рыданий —
просто напишут, по правде:
“Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге”.*

Стихи оказались такой силы, что спасли автора от него самого. Самым прямым результатом их воздействия стал отказ от самоубийства”.

Но Радзишевскому мало диагноза, который он ставит Евтушенко (склонность к суициду), он восхищается способностями Евгения Александровича, а заодно и Андрея Андреевича (Вознесенского) переписывать в наступившую эпоху перестройки хрестоматийные стихи о самом Ленине и утаивать их от нового поколения читателей:

“Генеральной расчисткой поэмы автор занялся в перестройку. И эта расчистка не в последнюю очередь коснулась неприкасаемого ранее Ленина.

Так, в главе “Идут ходоки к Ленину”, где Ленин, понимая все их беды, шёл навстречу ходокам, возникает совсем другой расклад:

*Волга дышит смолисто,
Волга ему протяжно:
“Что,
 гимназист из Симбирска,
 править Россией тяжко?
Руководил ты,
 не робок,
 лишь заговорщиков горсткой.
Что же ты хлеборобов
начал душить продрозвёрсткой?
Мягкую ссылку попробовал,
вообразив —
 это благо...
Росчерк твой станет проволокой
первого в мире ГУЛага.*

По-другому поступил Андрей Вознесенский, ограничившись косметической правкой. Когда появилась возможность переиздания, просто перестал печатать избыточно льстивые стихи:

*Уберите Ленина с денег,
он — для сердца и для знамён”.*

Но в чём Радзишевский прав: соперничество двух поэтов в “антиленинизме” достигло в эпоху перестройки кульминации. Вспомним “хирургическую операцию”, которую совершил Евтушенко со своим суперпатриотическим знаменитым стихотворением “Идут белые снеги”, в котором строфа, написанная в советскую эпоху о том, как он любит Россию: “**дух её пятистенков и её кедрача, её Пушкина, Стеньку и её Ильича**”, – в эпоху антисоветскую стала ещё гениальней: “**дух её пятистенков, дух её сосняков, её Пушкина, Стеньку и её стариков**”. И после этой творческой удачи Евгению Александровичу уже не было нужды “примериваться к самоубийству”: “К предательству таинственная страсть”, говоря словами Ахмадулиной, спасла его репутацию, как и репутацию многих других “шестидесятников”. Правда, ему пришлось в поэме “Братская ГЭС”, переиздававшейся в 1990-е годы, пожертвовать главой о партбилете (Марк Захаров поступил проще: он сжёг свой партбилет в телевизионной передаче на глазах у всей страны). Но Евтушенко доказал, что пословица “написано пером – не вырубись топором” в эпоху исторических потрясений теряет свою силу. Однако не все поклонники поэта одобрили его самоцензуру. С одним из них я поговорил по телефону. Это был геофизик Марчук, давний приятель Евтушенко, о котором поэт в поэме “Братская ГЭС” привёл строки популярной песенки: “Марчук играет на гитаре, а море Братское поёт”. Но ничего не поделаешь – “к предательству таинственная страсть” оказалась сильнее, нежели память о дружбе с Марчуком, и когда я по телефону спросил Марчука, как он относится к тому, что во времена перестройки Евтушенко изъясил из поэмы “Братская ГЭС” центральную главу о партбилете, Марчук с печалью ответил: “Конечно, это горестно, но всё равно Евтушенко великий поэт”.

Ну, что делать! Все “шестидесятники” были “великими”. А разве не прилипло это слово к Остапу Бендеру – “великому комбинатору” своей эпохи? Вспомним также, что задолго до истории с “Лениным” и “партбилетом” ещё один “шестидесятник”, воспевавший строительство Иркутской ГЭС в романе “Продолжение легенды”, выхлопотал себе командировку в Англию якобы для того, чтобы собрать материал к книге о Ленине, проводившем в 1905 году съезд РСДРП в Лондоне. Но, соблазнившись образом жизни туманного Альбиона, этот певец комсомольских строев, даже позабыв о том, что когда-то дружил с Евтушенко и водил его к Бабьему Яру, стал невозвращенцем. Поистине Лондон и весь англо-американский мир являются каким-то магнитом, притягивавшим во все времена наших “революционных романтиков” – Пече-

рина, Герцена, Суворова, Резуна, Гордиевского, Березовского, Жореса Медведева, Буковского, Скрипаля и т. п. Как бы то ни было, “шестидесятники”, бросившиеся в середине прошлого века воспевать стройки коммунизма, быстро скисли вместе со своими поэмами и романами. . .

А после великой и честной прозы Валентина Распутина, Виктора Астафьева и Василия Белова жалкие потуги “шестидесятников”, прославляющих стройки коммунизма, окончательно обнаружили свою ничтожность.

* * *

Из воспоминаний Леонида Бахнова, журнал “Знамя” (№ 8, 2018).

“Лично для меня “оттепель” навсегда окрашена голосом Окуджавы. . . Читал “Звёздный билет” Аксёнова. До полного посинения и знания текста чуть ли не наизусть. . . Шолохов вылез, старая гнида, призвал поставить к стенке предателей”.

Из воспоминаний художника Бориса Заборова:

“Изъеденный оспой тиран издыхал на полу своего многолетнего заточения. Беспомощный. Жалкий. Ненавистный. Соратники, обступив его, смотрели с ужасом и надеждой. Наконец смерть бросила упыря на потеху всем чертям”. . . Белорусского художника Бориса Заборова я знал по советскому Минску. Сейчас он живёт во Франции. Если он попадёт в психиатричку от ненависти к Сталину, это будет естественно, и более того, справедливо, потому что Борис потратил столько душевных и физических сил на эту ненависть, что выдающегося художника из него не получилось, и он стал ремесленником, рисующим портреты по фотографиям. . . Все мы бренны, но думаю, что, в отличие от Сталина, который похоронен в столице страны, где прожил всю жизнь, где принимал победные парады 1941-го и 1945 годов и где, несмотря на все крики Заборова: “Издыхал! . . тиран! . . изъеденный оспой. . .”, ему кладут цветы на могилу. А Борис Заборов будет удостоен какого-нибудь парижско-еврейского кладбища, на которое, как и к Орловой-Либерзон, и придти-то после его смерти будет некому и незачем.

* * *

Из воспоминаний Мариэтты Чудаковой, подписавшей 5 октября 1993 года письмо “42-х” и заявившей в том же октябре на страницах “Литературной газеты”: “не уходит за десятилетия из памяти то августовское утро. . . короткая демонстрация семи храбрецов на Красной площади. Среди них – выпускница нашего филологического факультета, всем нам, его окончившим, хорошо известная Наташа Горбаневская. . . И вот с конца августа 1968 года я не знаю покоя. И приближаюсь к мысли выйти куда-то с плакатом про Прагу. И всё пытаюсь приучить себя к дальнейшему существованию в лагере. . . И, наконец, делюсь этими мыслями с Сашей” (“Знамя”, № 8. С. 187).

Поскольку я учился на филфаке МГУ в одни годы с Чудаковой и её мужем Александром, поскольку она в октябре 1993 года кричала в Бетховенском зале на встрече писателей-демократов с Ельциным: “Борис Николаевич! Действуйте!” – поскольку после расстрела Парламента и его защитников из народа она заявила в “Литературной газете”: “В октябре мы спасали демократию от Куняева”, – я имею полное моральное право предположить, что Мариэтта Омаровна если не по крови, то по складу природы похожа на многих фурий октябрьской революции и гражданской войны – на Розалию Землячку-Залкинд, на Евгению Бош, на Ларису Рейснер, о которых Ярослав Смеляков писал в стихотворении “Жидовка”: “Ни стирать, ни рожать не умела, // никакая ни мать, ни жена, // лишь одной революции дело // понимала и знала она”.

А что касается “легендарной семёрки” храбрецов, вышедших в августе 1968 года во главе с малым ребёнком Наташи Горбаневской на Красную площадь, то об этой компании можно сказать, что они были всего лишь навсегда предтечами отвязанных феминисток из “Пусси-райт”, сделавших себе позорную известность плясками на амвоне перед алтарём и фотографиями из Зоологического музея, где были изображены стоящими на четвереньках уличными сучками, на которых взгромоздились двуногие кобели.

Так что наши “шестидесятники” из “Знамени” и прочих СМИ рискуют своей репутацией, когда вспоминают о “великолепной семёрке” на Красной площади или о “великолепной четвёрке” из Храма Христа Спасителя и Зоологического музея.

* * *

“Танки на Вацлавской площади, ненависть чехов, отчаянные выкрики, как плевки в лицо оккупантам, небезобидные стычки, огонь, стрельба... И очень ровно, как кордебалет Большого, стояли танки, танки, танки, и им не было конца...”

(Из воспоминаний Натальи Зимяниной, дочери секретаря ЦК КПСС Зимянина, сотрудницы издававшегося в Праге журнала “Проблемы мира и социализма”, где вместе с ней работали лидеры “шестидесятничества” и будущие “творяне” перестройки Юрий Карякин, Мераб Мамардашвили, Ирина Зорина, Кирилл Хенкин, Владимир Лукин и др.)

“Летом 1967 года мы все (я имею в виду нашу большую ленинградско-московскую компанию) очень внимательно следили и по нашим газетам, и, естественно, по всем доступным “вражеским” голосам за так называемой “Пражской весной” и невероятно радовались и переживали за чехов”. (Из воспоминаний киноактёра Л. Прыгунова).

* * *

А теперь нам остаётся поглядеть и оценить чехословацкие события августа 1968 года в контексте большого или, как его называл Осип Мандельштам, “крупнозернистого времени”.

29 сентября 1938 года в Мюнхене западные демократии сдали Чехословакию Гитлеру. Утром 30 сентября президент Бенеш получил из Берлина ультиматум о том, что в течение 10 суток Судетская область должна перейти под власть Германского рейха. Чехи не стали ждать десять дней, посовещались полтора часа, и премьер-министр республики Ян Суровы сообщил Берлину и гражданам своей страны, что ультиматум принят. Во время полуторачасового обсуждения германской ноты министр иностранных дел чешского правительства Камилл Крафта заявил своей политической и военной элите:

“Теоретически ультиматум можно отвергнуть. За этим последует война, в которой никто нас не спасёт”.

Когда немецкие войска вошли в Чехословакию, многотысячные толпы народа приветствовали их во всех городах и весях, в том числе и в Праге, где дед и тёзка будущего президента нашей эпохи крупный коммерсант Вацлав Гавел приветствовал гитлеровцев с балкона своего, как сказали бы сейчас, супермаркета... Вот так Чехословакия в марте 1939 года стала протекторатом великой Германии, и в июле 1941 года президент протектората чех Эмиль Гаха обнародовал послание гражданам, в котором говорилось:

“Для того чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внёс свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 миллиардов крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне”.

Откупились. И на эти 5 миллиардов крон началась работа “чешского народа” “в области снабжения и вооружения” гитлеровского вермахта. 122 чешских военных завода, 12 000 средних и мелких предприятий, два с половиной миллиона самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов, начиная с 1939-го и по 1945 год ковали мощь вермахта, снабжая гитлеровскую армию танками, самоходными орудиями, грузовиками, пушками, автоматами, винтовками, револьверами, снарядами, патронами...

Гитлеровские офицеры, получив отпуска с фронта, стремились именно в Чехословакию, которая предоставляла им все возможности для восстановления сил и здоровья, потраченных на Восточном фронте, о чём знаменитая киноактриса Ольга Чехова писала в своих воспоминаниях: “Злата Прага не утратила своего блеска; и в гастрономическом отношении она предлагает

удовольствия, которых в рейхе для простых смертных уже давно не существует. Короче: Прага – отдых от войны”. Даже в Париже, где для гитлеровской офицерни пели в ресторанах Ив Монтан и Эдит Пиаф и которых обслуживали проститутки и многие честные женщины Парижа, не было столь комфортных условий для отдыха оккупантов. Всё-таки во Франции какое-то, хотя и жалкое, сопротивление было. А в Чехословакии не было ничего опасного – ни сопротивления, ни партизан – сплошной комфорт. . .

Марина Цветаева, прожившая в Чехословакии после эмиграции из России более десяти лет и переехавшая в 30-е годы во Францию, писала во время Мюнхенского предательства возвышенные стихи о приютившем её славянском народе:

*Его и пуля не берёт,
И песня не берёт!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!
Когда ни сила не берёт,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит измором взять!*

Бедная, наивная, экзальтированная, умевшая зомбировать самое себя Марина Цветаева! Хорошо, что ничего не узнала она о позорном лакействе её любимой Чехии, её прекрасной Богемии, её сказочной Моравии! Хорошо, что она не знала о том, что в составе гитлеровского рейха, топтавшего её родину Россию, было около ста тысяч коричневых швейков, шестьдесят тысяч из которых после окончания войны работали у нас как военнопленные, восстанавливая наши города, разбитые “тиграми”, самоходными орудиями, бомбардировщиками, которыми управляли и командовали её любимые чехи.

Слава Богу, она не узнала о том, что президенту протектората Эмилю Гахе, через месяц после 22 июня 1941 года торжественно сообщившему о “военном взносе” чешского народа в военную промышленность рейха в размере 5 миллиардов крон, в канун 50-летия победы над фашизмом была открыта в Праге мемориальная доска “за вклад в сохранение Чехословакии” в годы Второй мировой войны.

Слава Богу, что Марина Цветаева так и не узнала слов американского посла в послевоенной Чехословакии Штейнгарда, который сказал: **“Чешский народ всегда отдавал предпочтение жизни без напрасной борьбы, нежели борьбе за свою свободу”** . . .

Остаётся только вспомнить её искренние и предельно наивные строки:

*Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!*

Что же касается известного поэта-“шестидесятника”, вышедшего из семьи советских чекистов, Юрия Ряшенцева, то у него есть весьма выразительные воспоминания о политической обстановке в Чехословакии в мае 1969 года. Ряшенцев работал тогда в журнале “Юность” и был послан в Прагу для освещения того, как будет проходить празднование нашей победы над фашизмом. Но на глазах у Ряшенцева во время встречи с активистами чехословацко-советской дружбы в пионерлагере на лесистой окраине Праги произошла ссора и даже драка между чехословаками, которые поддерживали наше вторжение в Прагу, и теми, кто ненавидел нас за это. Кончается это воспоминание Ряшенцева так:

“Я сидел на пеньке в лесу, глядя на громадный валун, на котором мелом был нарисован танк с флагом, на котором в звезду была вписана свастика. Насколько помню, я плакал” (“Знамя” № 8, 2018. С. 198).

Если бы стопроцентный “шестидесятник”, мой бывший знакомый Юра Ряшенцев вспомнил, как в 1939 году немецкие танки с настоящими свастиками на броне въезжали в столицу по дороге, усыпанной цветами, под ликующие возгласы народа, он сразу позабыл бы о каком-то советском Т-34 с флагом “со звездой и свастикой”, намалёванной мелом.

Но мало того, что журнал “Знамя” посвятил в 2018 году сентябрьский и октябрьский номера героям и врагам “оттепели”... Редакция устроила в одном из московских ресторанов торжественный вечер, посвящённый этой эпохе, о чём подробно рассказала “Литературная газета” (№ 39, 2018) в заметке “Вспышки памяти”:

“Во второй четверг сентября в одном из залов ресторана “Петрович” состоялся вечер журнала “Знамя” под названием “Памяти “оттепели””.

По сути, он представлял собой **презентацию августовского номера, посвящённого эпохе “оттепели”. 50-е, 60-е – XX съезд, ожидания, надежды и умонастроения молодых людей, ощутивших дыхание перемен, и разочарования, связанные с крушением этих надежд, – всё это нашло отражение и в текстах, опубликованных в номере, и в выступлениях участников вечера.**

“Бывают звёздные часы и звёздные годы человечества. К ним, несомненно, относятся 50–60-е годы XX века”, – сказал Сергей Чупринин, главный редактор журнала “Знамя”.

Лев Рубинштейн подчеркнул, что Пражская весна 1968 года стала причиной раскола поколения на тех, кто всё ещё верил в **социализм с человеческим лицом**, и тех, для кого светлое социалистическое будущее превратилось в утопию. Сходную мысль высказал и Юрий Ряшенцев, который во время трагических событий оказался в командировке в Чехии от журнала “Юность”: по его собственному признанию, эта поездка изменила его взгляд на мир. Игорь Волгин сравнил 60-е годы XIX и XX века и отметил, что оба периода по своему стали “звёздным часом” русской истории и литературы. “Хорошо, что журнал “Знамя” об этом вспомнил, потому что сегодня один за другим уходят живые свидетели эпохи”, – сказал Волгин.

Вообще мысль о том, как важно сохранять эти “вспышки памяти”, прозвучала на вечере не раз. Так, Мариэтта Чудакова высказала идею, что августовский номер “Знамени” нужно издать отдельным сборником, чтобы как можно больше людей узнало о том, какими были эти противоречивые годы. А Евгений Сидоров призвал всех собравшихся записывать воспоминания и делиться ими, невзирая ни на маленькие тиражи, ни на другие препятствия. <...>

Завершила собрание заместитель главного редактора журнала “Знамя” Наталья Иванова, пообещав, что тема “оттепели” продолжится и в осенних номерах”.

Как бы ни изощрялись авторы юбилейного номера “Знамени” в злопамятстве, в проклятиях по адресу эпохи, обманувшей их надежды, в конечном счёте, самый точный диагноз психического состояния мемуаристов выразил в стихах постаревший “шестидесятник” Игорь Волгин:

*В памяти твёрдой и ясном уме,
не говоривший ни бе и ни ме,
я заявляю публично:
прошлое мне безразлично.*

*Что там мутилось за гранью веков,
кто пробирался к царице в альков —
я разбираться не стану:
мне это по барабану.*

*С кем А.С. Пушкин шампанское пил,
кто там геройствовал у Фермопил,
быстры ли струги у Стеньки —
мне это, в общем, до феньки.*

*Цезарь ли кем-то когда-то убит,
Ленин ли пестует Брестский гамбит,
Данте ль откуда-то выжит —
это меня не колышет.*

*Вправду ль крестили кого-то в Днепре,
что написали Мольер и Рабле —
вместе, а может, отдельно —
мне это всё параллельно.*

*Плачет ли сердце в гитарной струне,
тень ли мелькает в туманном окне
тютчево-блоково-фетово —
это мне всё фиолетово.*

*Сиюминутность ценя одному,
я без оглядки отныне живу.
Кушаю рябчиков с грядки,
ибо живу без оглядки.*

*Сонму тупых исторических лиц
предпочитаю смешливых девиц,
чей без сомнений и споров
ум занимает Киркоров.*

Такого мертвенно холодного и цинично безразличного признания бессмысленности Слова, которое “было в начале”, нет даже у безнадежно отравленного “скепсисом бытия” Иосифа Бродского. Это ближе к песенке из кинофильма “Бриллиантовая рука”: “А нам всё равно!” А как назвал свою стихотворную книгу главный редактор “Нового мира” Андрей Василевский? Да так же: “Всё равно”.

(Продолжение следует)